

Наташа с папой, 1959 год

Эдуард Станиславович Андрейченко родом из Белоруссии. Мама — Лидия Васильевна Соколова — коренная москвичка из зажиточной купеческой семьи (у ее деда был в Лихоборах большой двухэтажный дом). А в центре Москвы по сей час живет бабушка Наташи — Анна Михайловна Соколова, которая и в свои 84 — писаная красавица. Задолго до появления Наташи на свет папа мечтал только о дочке, что, вероятно, и сыграло большую роль в ее последующем воспитании: мать часто уезжала в командировки (работала в Министерстве просвещения), а он, рассказывает, менялся с товарищами сменами на авиационном заводе, чтобы побыть дома. «У Наташи все легко получалось, — вспоминает Эдуард Станиславович. — На коньки встала — и сразу поехала. С шести лет плавала. Была очень самостоятельной».

Папа всегда мечтал только о дочке

Лидия Васильевна: «В школе как-то под Новый год выпустили ребята стенгазету с пожеланиями каждому ученику. В адрес Наташи было написано: научиться уважать интересы всех окружающих детей». Меня это очень встревожило. А она собрала всех, повела на территорию, «выстроила» и — к каждому: «В чем я не уважаю твои интересы? Что ты хочешь, что бы я сделала?»

Училась Наташа хорошо. И в институт поступила легко. Через неделю после окончания школы уже принесла справку: зачислена на первый курс актерского факультета ВГИКа. Эдуард Станиславович: «Я хорошо помню, как это случилось. В «Комсомолке» была напечатана статья Ирины Константиновны Скобцовой и Сергея Федоровича Бондарчука «Ищем таланты!» Наташу это подтолкнуло. Лидия Васильевна: «В душе я, конечно, была против ее желания. У нас были другие ориентиры — филфак МГУ или иняз (филфак) педагогического. Но мы не препятствовали. И даже смеялись, когда она сдавала эти многочисленные туры-пертуры. Правда, когда перед сочинением она заболела, мы перепугались. Она поехала с высокой температурой, а я сидела внизу и через приемную комиссию передавала ей таблетки...»

Но больше всего меня всегда, как женщину, волновало полное Наташино безразличие к одежде. Она ничего не говорила даже тогда, когда в шестом или седьмом классе ей пришлось ходить в рваных ботиночках. Никаких претензий и требований не было и в институте, она покупала только то, что необходимо. Причем каждый раз — что-то ужасное и за огромные деньги. То принесет кофту байковую с невероятным начесом, то разноцветные желто-оранжевые ботинки на толстой платформе и высоченном каблучке, то потертые вельветовые джинсы «Левис», которые ей продала студентка-чешка... И сейчас у нее нет ничего лишнего, хотя она и может себе что-то позволить. Она любит спортивную, демократичную одежду, в которой просто и удобно».

Наташа в школе. И уже на сцене

По просьбе «Собеседника-SUPER» с Натальей Андрейченко в ее калифорнийском доме в Беверли Хиллз встретился поэт ПЕТР ВЕГИН. Беседа шла под «аккомпанемент» звонкого голоса шестилетней Нати, телефонных звонков, звонящих столовых приборов и бульканья воды, что придавало разговору неповторимую окраску.

— Как ни странно, Наташа, но многих ваших почитателей интересует: почему не Наталья Шелл, а по-прежнему — Андрейченко?

— А почему, собственно, я должна быть Шелл? Я и в первом замужестве была Андрейченко, хотя фамилия мужа была куда как «соблазнительна». Я в свое имя вложила колоссальное количество труда и жизни, и потом, простите нескромность, это имя поддерживается большим количеством зрителей, живущих как в России, так и за ее предела-

вестное представление! Олег Янковский был Онегиным, Игорь Костоловский — Ленским, я — Татьяной, Милочка Полякова няней, Петренко был генералом. Оркестр играл, мы читали по-русски. И это была такая магия, такая красота...

Еще через месяц мы с Максом и Настей вернулись в Москву (Митя уже ходил в школу и остался в Мюнхене). Макс делал постановку в Театре-студии Олега Табакова — он решил познакомить Россию с крупнейшим австрийским драматургом Еденом фон Хорвардом. Спектакль назывался «Вера, Любовь, Надежда». Макс поставил его необыкновенно — музыкально, с танцами; он пригласил одного из крупнейших скульпторов Америки Джорджа Сигала, который прилетел на свои деньги, работать «за бесплатно», ради идеи, — они вместе придумывали

Бондарчуку было семьдесят два года! Каждый день на съемочной площадке — первым приходил, последним уходил. Любимый день работы этого человека можно назвать титаническим трудом. А снимали мы не хрестоматийный, заредактированный «Тихий Дон», а того Шолохова, который заклеил кровожадную, вонючую революцию за истребление такого свободного народа, как казачество. Мы снимали антибольшевистский «Тихий Дон» — позиция Бондарчука была абсолютно четкой и ясной.

— Простите, а откуда взялась такая антибольшевистская версия?

— Сценарий фильма писал сам Сергей Федорович. Он дружил с Шолоховым, и, я думаю, о подлинно шолоховском тексте они говорили не раз и не два.

— Не буду пророчествовать, но наверняка «Тихий Дон» еще сыграет в вашей

НАТАЛЬЯ АНДРЕЙЧЕНКО: Я БЫЛА БЕРЕМЕННОЙ ЛЕДИ МАКБЕТ

ми, которые в меня верят, любят меня и благодаря которым я и живу на этой земле — они поддерживают меня своей энергетикой, а я живу ради них. И потом, я далека от мысли, что, будь я Натальей Шелл, это помогло бы мне в моей голливудской карьере. Макса ценят за то, что он Максимилиан Шелл, меня — за то, что я Наталья Андрейченко.

— Сколько лет вы уже живете в Америке?

— Мне многие задают подобный вопрос, и — если позволите — в этом интервью я хотела бы внести ясность. Поэтому надо все рассказать по порядку, с самого начала, надо определиться... Я никогда не собиралась уезжать из России, не уезжала и никогда не уеду. Несмотря на то, что мы сейчас сидим в Лос-Анджелесе — быть здесь у каждого из нас свои причины...

Мы с Максом женаты уже около десяти лет. И единственная моя задача (после того, как мы поженились) заключалась в том, чтобы меня не выгнали из страны.

Политическая ситуация в те годы — стоит ли напоминать? — была совсем другая, поэтому первым пунктом в нашем с Максом «брачном контракте» (Наташа смеется, запрокинув голову: «Это был не финансовый план контракта, а только духовного, социального») — так вот, первым пунктом в нем стояло, что я никогда, никуда не уеду из России. Я настаивала на этом изначально, и Макс, удивительный человек, не только понял меня, но и поддержал, как настоящий большой художник, мечущийся между странами и континентами, но всегда возвращающийся к себе на родину.

После замужества я радовалась, что не было гонений, которых я ожидала, а, напротив, посыпались предложения. Я быстро снялась в нескольких фильмах: первым был «Марица», по-моему, неудачный, затем — «Прости» и — очень человечный, очень добрый фильм «Под знаком «Красного Креста», где я играла простую няню, которая, забросив свою собственную семью, ходит помогает старикам. Старикам, у которых есть и дети, и родственники, но которых все бросили. До безумия сегодняшняя ситуация в России...

После этого были долгие путешествия со спектаклем «Серсо» Анатолия Васильева — мы объездили едва ли не весь мир. Работа требовала полной отдачи, безумного напряжения, но я вспоминаю то время, как, может быть, самое счастливое в моей жизни.

Затем был фильм «Леди Макбет Мценского уезда», который я заканчивала, по-русски говоря, уже с пюзом, о чем никто, кроме режиссера Романа Балаяна, не знал. И только один раз он проговорился оператору Паше Лебешеву, который буквально завопил на него: «Что ж ты мне, так-перетак, не сказал, я бы на нее другие кадры поставил, никто бы не просек. Всегда мне везет — то Соловей в «Рабе любви» беременная снималась, то Андрейченко...»

Закончили фильм, я улетела в Мюнхен рожать Настеньку. А когда Насте исполнилось два месяца, мы начали гастроли с лучшим симфоническим оркестром Германии. Это была литературно-музыкальная композиция «Евгения Онегина» на музыку Прокофьева. Блистательное, мало кому в России из-

декорации. Крупнейший немецкий хореограф Крестник ставил танцы — прилетал на два-три дня, давал установки, а репетировал и практически осуществлял все Геннадий Абрамов, тот самый, с которым мы работали над спектаклем «Серсо». Это один из интереснейших современных хореографов, у него сейчас в Москве свой театр. Работать с ним бесконечное удовольствие, это необыкновенный человек и необыкновенный режиссер танца... Спектакль мог стать колоссальным событием. Но был неправильно выбран театр.

...Так что в первый раз мы приехали в Америку, когда Насте было уже годик. И — полтора года я прожила никому не нужная, никому не известная, ничего не делая. Это очень трудно пережить человеку с именем. Но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, насколько тогда мне было хорошо.

Впервые в моей жизни у меня появилось свободное время, а до этого и после — только одна сумасшедшая профессия. Представьте себе, что я начала сниматься в фильме Петра Тодоровского «Военно-полевой роман», когда Мите было два месяца. В чем-то это было несправедливо — по отношению к нему, а с другой стороны, справедливо, так как есть фильм, который сделал бесспорный вклад в международную кинематографию. Это один из редких русских фильмов, который был номинирован на «Оскара», его знают в Америке, — Наташа медленно закуривает, задумывается... Нет, хорошие были те полтора года... Я работала с лучшими педагогами по произношению, по преодолению акцента. Я занималась вокалом — у меня была очаровательная, сумасшедшая, лучшая на Бродвее и во всем Нью-Йорке учительница Джоан Кобин. Представьте себе, она учила меня... по телефону! Три раза в неделю, в определенный час мы с ней пели по телефону. Естественно, за мой счет. И этих полтора лет никогда бы я, наверное, не нашла. А они были мне очень нужны, нужны и полезны. И моим детям тоже...

Хотя «чистого времени» на Лос-Анджелесе приходится где-то три с небольшим года. Это не столь большой срок для такого города. Я ведь все время уезжала.

— Снимались в «Тихом Доне»?

— Это совершенно особая история... Я должна была сниматься вместе с Максом в фильме «Сталин», несколько месяцев ждала приглашения на роль Надежды Аллилуевой. Может быть, снимись я в «Сталине», судьба повернулась бы по-другому, кто знает. Но во время затаившегося ожидания меня пригласил к себе Сергей Федорович Бондарчук. Я подписала контракт на «Тихий Дон», секретарь Макса немедленно отнесла его на почту, а через двадцать минут — по телефону! — я получаю приглашение на роль Аллилуевой...

— Короче говоря, один фильм стоил другого.

— Совершенно верно! Но у Бондарчука была команда не слабее — один только Ф. Миррей Эбрахам чего стоит! Тот самый, что получил «Оскара» за роль Сальери в фильме Милоша Формана «Амадеус». Я давно мечтала поработать с Бондарчуком. Кроме маленькой роли в фильме «Степь», он мне ничего не предлагал.

судьбе большую роль. Рано-поздно фильм выйдет. Оттого, что он лежит на полке, он, думаю, не стареет и ничего не теряет. Как мы знаем: «Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь»... Вообще ведь с самого начала здесь столько... необычного! У вас — Шолохов, Дарья, гражданская война. У Максимилиана — «вождь мирового пролетариата».

— Да, Макс в это время снимался в картине «Сталин». В роли Ленина. Сидел в Кремле, в его кабинете... В один из дней его забыли во время ланча — уехали в какой-то шикарный ресторан без него. И вот Макс в полном гриме Ленина пошел в ГУМ! И ходил по всем этажам. И ни один человек не обратил на него внимания. Макс просто изумился! Зато в другой раз... Снимались похороны Ленина. В Колонный зал Дома союзов Макса привезли на машине. И вот когда он вышел из черного лимузина, вся громадная толпа, скопившаяся возле Дома союзов, закричала: «Ленин! Ленин! Ура!» Вот так...

— Минувшим летом вы снимались еще и в кинофильме «Литтл Одесса»...

— Вместе с «Литтл Одессой» у меня в прошлом году — три фильма. Так что год был вполне удачным. Этот фильм уже получил «Серебряного льва» в Венеции, пресса его оценила высоко, и он обречен на хороший прокат.

— А что еще, Наташа, «день грядущий нам готовит», над чем работаете сейчас вы и Максимилиан?

— Вот на столе лежит сценарий. Практически он закончен, и мне кажется очень сильным, но Макс пока не всем доволен. Сколько сил и времени на него ушло — не передать. В двух словах — это история американского бизнесмена или, может, режиссера и русской звезды. Его рабочее название «Бракоразводная башня». Короче говоря, не знаюшему ни одного русского слова американцу судья объявляет, что, дескать, да, развод будет признан, но у нас в стране сейчас по новому закону все разводившиеся направляются на три недели в Бракоразводную башню. И вот эта пара, при всей безумной ненависти и одновременно любви друг к другу, в окружении таких же сумасшедших пар, направляется в эту башню, в полное уединение. И если вы через три недели не захотите остаться вместе, то все, развод признан и даже не надо второй раз идти в суд. Статистика показывает, что восемьдесят процентов остаются вместе. Потому что нет никакого влияния извне, никаких родителей, телевизора, вообще никакого общества с его воздействием — наедине друг с другом, наедине с любовью. Две постели, два стула, один стол. И люди могут сконцентрироваться, пережить свою жизнь по-новому, оценить друг друга и свои чувства. И все происходит в этой сталинистской, кафкианской башне, из коридоров которой несутся стоны: в одной камере страстно занимаются любовью, в другой — убивают друг друга... И никакой информации извне. А в это время по улицам гуляют танки... В сценарии много автобиографичного, нашего с Максом личного — и Россия, и Голливуд, и КГБ.

Окончание интервью на стр. 10.

В гостиной у камина можно и расслабиться

КРАСИВО ЖИТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ

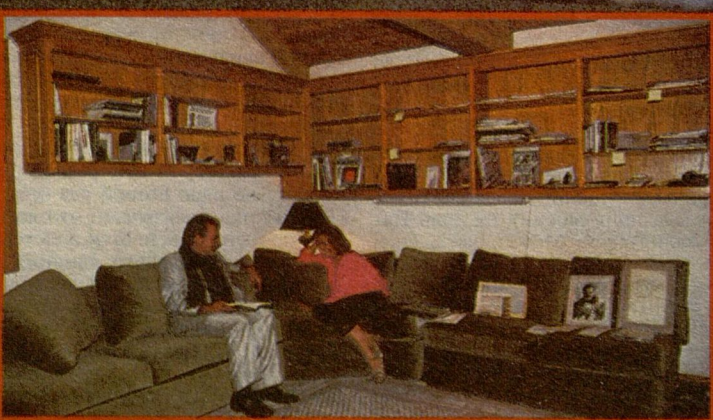
Не пора ли немножко подкрепиться?

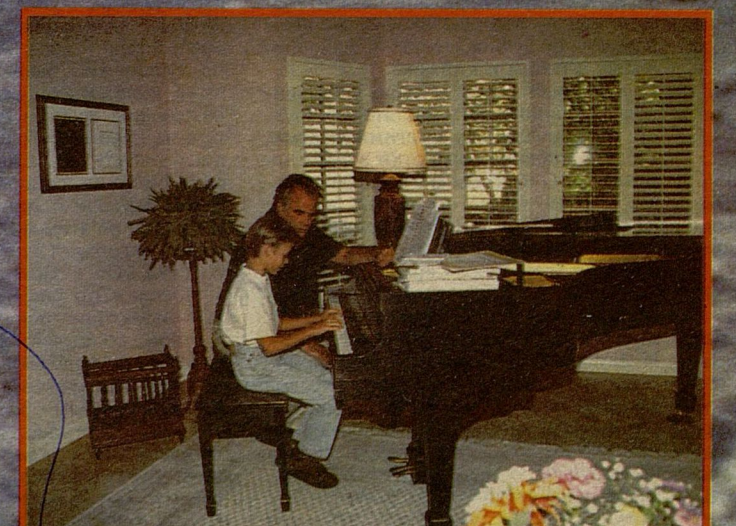
Элегантная вилла, элегантное авто, элегантный водитель...

Женщины, в воду - марш!

Обсуждение новой роли в кабинете Шелла

Уроки музыки сыну композитора

Лос-Анджелес. Голливуд. Беверли Хиллз. Даже мало-мальски знакомый с американским кино знает, что там живут звезды. «Кто-то нас пригласил» на «Американ Синема Аворд» («Приз американского кинематографа»), — вспоминает Наталья Андрейченко. — Вручалась премия Майклу Джексону. А мне с ним очень хотелось познакомиться. И приехав сюда, я сказала Макс: «Дорогой, это центр нашей профессии. Ты ведь не можешь быть прекрасным теннисистом, играя на кортах Кнеа или даже Мюнхена. Поэтому, если ты хочешь выиграть свой «Уимблдон», то надо находиться в центре твоей профессии». Хотя Макс ненавидел Голливуд! После того, как он получил «Оскара» за фильм «Нюрнбергский процесс» и все его умоляли остаться, он уехал — бежал в духовную Европу. Я только сейчас понимаю его, только сейчас...

Один из лучших немецких фотографов Erwin Schneider (Эрвин Шнайдер) снимал Максимилиана Шелла и Наталью Андрейченко не для «Собеседника SUPER». Естественно. (Для нас пока это неподъемное удовольствие — одна фотография профессионала такого уровня стоит 350-500 дойчмарок.) Но г-н Шнайдер был очень любезен с нами и мало того, что сделал существенную скидку, так еще и рискнул отправить съемку почтой из Германии в Россию. За что «Собеседник SUPER» ему весьма признателен.

Окончание. Начало интервью с Натальей Андрейченко на стр. 7.

— Наташа, можно представить себе, как «заботливо» относилась к вам с Максимом «Контора Глубокого Бурения», когда три с половиной года после регистрации брака вы жили в Москве.

— Многие, очень многие из тех лет — в этом сценарии. Вероятно, вправду — чтобы освободиться от чего-то, надо это предать бумаге. Все, что мы пережили: как нас постоянно сопровождала милицейская коляска, как порой нам негде было ночевать, даже дежурные по этажу стукачки... Из гостиницы, я помню, меня один раз выгнали, поскольку «можно только до одиннадцати»... Так что наш брак, можно сказать, был форсирован. Его могло бы и не быть вовсе, если бы не система —

Митя работал «пожарником», потому что нам нужен был снег и надо было заливать пеной все кусты, чтобы не было ни одного листика.

— А что за фильм снимался в Эстонии? — «Свечи в темноте» — фильм об отсоединении Эстонии от СССР. Фильм был заказан телевизионной компанией «Фэмили ченнел», нам с Максом очень понравился сценарий, и мы дали согласие. Я играла главную роль — женщины, которая когда-то была лидером подпольного движения. Ко мне приезжает моя племянница из Америки, девочка, которая ничего не знает ни о своем роде, ни об истории своей родины. И сразу оказывается в центре событий, связанных с подготовкой массового шествия, практически демонстрации, приуроченной к Рождеству, праздновать которое было запрещено в

Митя... Они должны понять, что надо что-то делать. Понять и отозваться. Тем более у каждого из них есть дети или внуки, живущие в чужих странах. Я уверена, они откликнутся, потому что, где бы они ни жили, они остаются патриотами своей культуры. Я пришла к этому на опыте со своими детьми, а более точного опыта не существует.

— Уверен, вы это сделаете, создадите. Такое не может не состояться! Скажите, пожалуйста, коли мы заговорили о детях, как проходит обычный день в вашей семье? Начните хотя бы с утра. Вы просыпаетесь, готовите детям завтрак...

— Видите ли, американский темп жизни совершенно сумасшедший. Не могу понять почему. У нас у всех разный режим. Митя встает в шесть утра, шко-

ЕСЛИ БЫ НЕ КГБ, ОНИ БЫ, МОЖЕТ, НЕ ПОЖЕНИЛИСЬ

она нас подтолкнула друг к другу, за что мы ей, бесчеловечной и ужасной, безумно благодарны. Макс считал себя заядлым холостяком... (Ох, забыла, солгала вам раньше — первым пунктом в нашем «брачном контракте» был предусмотрен развод через две недели, чтобы Макс чувствовал себя свободно. А вот второй пункт — точно: что я буду жить в России, третий же, что дочь — а мы хотели только дочку — непременно наравне с русским паспортом будет иметь швейцарский.) Так что не будем вспоминать плохое. Если бы не та система, Макс, вполне возможно, никогда бы и не женился.

Кстати, о системе. Однажды Макс на приеме, устроенном по поводу официального визита Горбачева в Германию, встретился с ним. Макс давно хотел познакомиться с Михаилом Сергеевичем. И вот, когда они встретились, Макс сказал Михаилу Сергеевичу две замечательные фразы: «Как Петр Великий, признаю, что вы очень много сделали в направлении моих идей. Но как Ленин, я считаю, что вы все разрушили, и поэтому вы мой самый большой враг, дорогой!» Михаил Сергеевич, человек исключительного юмора, понял Макса и искренне рассмеялся.

— Не знаю, кому еще выпадало такое счастье и такой диапазон — от Петра Первого до Ленина.

— Я говорю: что же ты, Макс, делаешь деньги на истории моей страны? Но если всерьез, то он такая уникальная личность, что и роли ему доставались мощные.

— До вашей встречи у Шеллы была какая-то тяга к России, к нашей культуре? — Бессспорно. Свою первую картину он снял по роману Тургенева «Первая любовь». Он очень хорошо знает нашу историю и нашу культуру. В этом плане мы очень близки, а вот то, что я не знаю в такой же степени немецкую культуру, конечно, мешает. Но здесь, в Голливуде, мы вроде как на нейтральной земле.

— Максимilian говорит по-русски?

Наташа снова смеется:

— Самые «главные» слова — фольклорного происхождения, так сказать, экспрессивную лексику типа «... твою мать» или «сейчас п...ды получишь», знает очень хорошо!

— Дети, как можно догадаться, говорят на трех языках.

— Да. Митя говорит на всех языках без акцента, у него сильная русская база. Настя говорит по-русски хорошо, но с акцентом, а понимает больше, чем способна сказать. Я с ней занимаюсь, каждый вечер читаю Пушкина. Я так считаю: пусть не все слова ей понятны, но через магию русской речи она многое впитает. Благодаря тому, что мы много путешествуем, дети знают, что такое Европа, европейская архитектура. Иногда даже мы предпочитаем оторвать их от школы и уехать в зимние горы или в Мюнхен. Однажды Макс снимал картину в Эстонии, съемки продолжались до ноября, а Мите, естественно, надо было в школу. «Ну и что, — сказал ему Макс. — Я считаю, что в твоей тупой американской школе ты получишь за два месяца меньше, чем от общения с нормальными людьми». И

Эстонии почти пятьдесят лет. Девочка даже не знает, что ее отец Велеста был лидером «лесных братьев», после чего вынужден был эмигрировать. Девочка влюбляется в молодого лидера сегодняшнего движения, и я, ее тетя, понимаю, что она может повторить мою несчастную судьбу одинокой женщины, у которой нет ни мужа, ни детей. И я, и все окружающие пытаются отвести ее в сторону, но наступает момент, когда на все уговоры она отвечает коротко: «Я — Велеста!»

Макс сказал, что посвящает этот фильм борьбе народа за свое освобождение — в Венгрии, Чехословакии, Литве, Карабахе... — Вы сколько-то упомянули американскую школу. У наших детей, какими бы одаренными они ни были, серьезные проблемы. Они с потрясающей быстротой осваивают американский мир, оставаясь русскими по душе, что уже конфликтно, следом возникает сложность с родным языком... Меня лично очень беспокоит русский язык моей дочери: с одной стороны, она прекрасно помнит стихи Пушкина, а с другой — ей уже не хватает запаса русских слов для выражения своих чувств и мыслей.

— Такая же ситуация в русскоязычных семьях во Франции, Германии, Израиле, везде, где живут наши соотечественники. Сейчас я кое-что скажу. Хотя очень боюсь — предаю гласности свою идею впервые, несмотря на то, что она уже и зарегистрирована по всем юридическим правилам. Эта идея пришла мне в голову, когда я читала Насте сказки Пушкина. Я подумала: если мой ребенок, воспитанный в другой культуре, испытывает такие магические чувства от русского языка, то почему бы ей и всем другим детям не дать возможность слушать русские сказки, русские стихи, русскую музыку в любое время — на аудиокассетах, с помощью видео, а потом и книжек?

И я решила открыть свою собственную компанию. Это достаточно трудно, я встречалась со многими людьми, сделала многие проработки в этом направлении, когда была в Москве в прошлом году. Более всего мне хочется назвать эту компанию «Страна Пушкина». Тем более не за горами двухсотлетие Александра Сергеевича. Я хочу привлечь лучших мультипликаторов, лучших музыкантов, артистов, специалистов по компьютерной графике... И двуязычные книжки — русско-английские, русско-немецкие, русско-французские, с теми же образами, которые дети видели на видеокассетах, на телеэкранах... Открыть производство игрушек — ведь, простите меня, какое наша страна имеет отношение к Микки Маусу? Замечательный, вне конкуренции персонаж, но у нас есть наши сказочные герои, золотые рыбки, петушки, семь богатырей... Чем ближе мы к своим символам, тем более великим становится народ. И дети. Все равно мы самые сильные! По духовности.

Я очень хочу привлечь к работе над этим проектом наших больших, великих художников, таких, как Плисецкая, Ростропович, Барышников, Неизвестный, Аксенов, Бродский, Ше-

ла очень хорошая, но далеко, в Санта-Монике. За ним, к счастью, приезжают. Увы, я соответствовать этому режиму не в состоянии. Я ложусь очень поздно, потому что единственное время, когда я могу сконцентрироваться несколько часов на себе, — это время после того, как дети легли спать, это ночь. Днем — профессиональные дела, неизбежные деловые встречи, или, как говорят здесь, пати, которые я ненавижу, но — надо; это как работа. Макс, натура творчески бурная, тоже требует много времени. С ним безумно интересно, но и трудно. Да и ему со мной нелегко. (Хочет.) Ему памятник надо поставить — десять лет прожить со мной!

...Я догадываюсь, что многим хотелось бы прочитать, как утром я выхожу в роскошном халате к бассейну, вокруг бегают собаки и прислуга... Это — миф, и я не знаю, кто так живет. Все вместе мы встречаемся только вечером. Сегодня вот семья не встретилась, потому что мы с вами делаем интервью. И таких вечеров немало.

— Мне бы хотелось обсудить с вами еще один вопрос. Мы знаем, что Америка изобрела гениальный принцип «плавления котла» — то есть лучшие физики, архитекторы, химики, инженеры всех стран перетаскиваются в Штаты и потом становятся американцами. Но вот Голливуд отгорожен от всех едва ли не «железным занавесом». Кроме Омара Шарифа трудно вспомнить еще каких-то не американских актеров, принятых Голливудом. Оцени он по достоинству, по таланту, а не по языку, ту же Елену Кореневу, Олега Видова, Савелия Крамарова, Наташу Негоду, несправедливо всеми забытую Наташу Лебле, он был бы богаче. Какая-то чушь ли не мафиозная структура — этот Голливуд.

— Увы, для наших актеров главное препятствие — язык. Понимаете, здесь не дублируют, здесь исключен принцип наложения чужого голоса. Однажды мне едва ли не пришлось лететь из Европы в Голливуд, чтобы написать всего три слова. Три слова! Да один билет на самолет стоит дороже! Вы заговорили о «плавлении котла» — как раз об этом моя последняя картина «Аврора». (Этот фильм куплен Россией.) Он — «крутой», как говорят в Москве. Это боевик с интереснейшей детективно-психологической закруткой, со взрывами, скоростными самолетами, стрельбой и многими впечатляющими моментами. Сильный и социально-острый боевик.

— Не без политики... Конечно, все же мы причастны к политике. Хотя бы потому, что художники — люди неравнодушные. Тем более когда это касается нашего отечества. Сейчас Россию обступил густой лес противоречий, небывалых трудностей. Что хотели бы вы пожелать России?

— Я очень верю в Россию, верю в наш народ, в его терпение и безумную, неуправляемую силу, когда он берет топор и крушит все на своем пути и — рубит свою дорогу на звезду, как в фильме «Сибиряда». Трудно об этом говорить. Но я думаю, что у нас будет самая великая страна.

— Хорошо бы без топора...

Сергей Федорович Бондарчук

Зрители до сих пор не дают ей проходу

Во время недавнего приезда Натальи Андрейченко в Россию и путешествия вместе с детьми по старым русским городам ее останавливали на улице, признавались в любви, дарили подарки. А вспомните: много ли вы слышали об актрисе в последние годы, много ли видели ее работ?

Наташа Андрейченко вообще актриса парадоксальная. Ее творчество ускользает из рук, не поддается определению и классификации. Ее экранный имидж — неуловим. Изящная, ироничная, потусторонняя, по-английски сдержанная Мэри Поппинс и рядом — опустившаяся солдатка Люба («Военно-полевой роман») со всеми присущими несчастным российским бабам соплями, слезами и воплями. А дальше — Катерина Измайлова, символ русской любви, не разбирающей средств ради цели («Леди Макбет...»). Что может объединить этих героинь? Женственность? Но любая актриса может назвать «женственностью» темой своего творчества. Стремление стать для кого-то одной-единственной и неповторимой? Это тоже играют актрисы в каждом втором фильме.

Если уж и развешивать ярлыки, то Андрейченко в нашем кино можно назвать одной из немногих актрис западного типа. То ли из-за голливудской внешности, то ли из-за какого-то нездешнего шарма, то ли по какой иной причине, но ее героини уже тогда не вписывались в российскую действительность, выпадали из нее. Недаром же самой знаменитой и любимой стала Мэри Поппинс — Леди Совершенство, а свадьба с Максимilianом Шеллом, одной из самых крупных звезд западного кино, обладателем «Оскара», и переезд в Голливуд никого не удивили.

Сложилось или нет ее карьера в Голливуде — нам судить трудно. Те ленты, в которых снимается Андрейченко, до России не доходят. Но — «Я все время работаю», — говорит она.

В последнее время имена Натальи Андрейченко и Максимilian Шелла связывают со скандалом, случившимся в Голливуде. Шелл, сделавший как режиссер пять фильмов, снял свое имя с титров последней ленты «Свечи в темноте». В этой истории о событиях последних лет в Эстонии он сыграл главную роль сам и снял жену. Причиной его конфликта с продюсером стала музыка к фильму: Шелл, прекрасно знающий музыку и время от времени выступающий с концертами как пианист, настаивал на использовании 5-й симфонии Малера и одной из песен Высоцкого. Продюсер, однако, не только не выполнил требование, но и продал картину в Европу. Сегодня прокатчики делают деньги и рекламу на имени Шеллы, а чета Шелл — Андрейченко вступает в 1995 год в ожидании серии судов. Так что не исключено, что «Леди Совершенство» скоро прославится в Голливуде как «леди скандал». Что, впрочем, ее совершенств в глазах российских зрителей вовсе не убавит.

Ольга ЮРЬЕВА-ШАХОВСКАЯ, кинокритик.

Режиссер Анатолий Васильев (справа)